

Педагогика от лукавого

Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА, психологи, члены Союза писателей России, соучредители Фонда социально-психического здоровья семьи и ребёнка

Говорят, в скором времени от людей окончательно отойдёт премудрость. Они будут верить во всякие глупости и небылицы, не замечать очевидного, не понимать прописных истин. Но произойдёт это, конечно, не в одночасье. Почва должна быть подготовлена, размягчена. В данном случае размягчиться должен мозг.

И по некоторым признакам видно, что «процесс пошёл». Сколько чуши в последние годы нам преподносят в качестве незыблемой истины! Сколько дров наломано под влиянием этой чуши! Взять хотя бы тему отцов и детей. Только родители стали «взрослее» и меньше доверять детским телепередачам, подростковым журналам, школьным инновациям как — хлоп! — взялись и за них, за родителей. «Воспитание ребёнка надо начинать с воспитания родителей», «родители абсолютно беспомощны, педагогически безграмотны», «матери не умеют любить своих детей, мы должны их этому научить»... Школа для родителей, курсы для будущих пап и мама, родительские университеты... А в некоторых наиболее продвинутых умах уже вызрела идея экзамена, лишь по успешной сдаче которого человек имеет право носить звание родителя.

И опять все покорно кивают головами, как сомнамбулы на сеансе гипнотизёра. Дескать, конечно, правы специалисты, какие из нас родители? Ничего-то мы не знаем, не умеем. Как заметил однажды поэт Наум Коржавин (правда, об Америке): «Здесь царит какое-то помешательство на специализме».

Что же советуют родителям современные специалисты? Какие, выражаясь языком Кашпировского, «дают установки»?

«Ребёнок попал в беду...» — таков тревожно-притягательный заголовок брошюры, выпущенной Объединением педагогических изданий «Первое сентября». Там же, на обложке, точно указан и адресат: «Справочник для учителей и родителей». Брошюра хоть и тощая, зато очень насыщенная: это квинтэссенция «новой педагогики», «нового воспитания», более того — «нового мышления». Ну да, сейчас ведь модно говорить о «новом мышлении» и «новых ценностях», которыми должно пропитаться человечество, вступившее в новый век. Даже целое философское направление уже появилось. Прямо так и называется «Нью Эйдж», «Новый век».

Просмотрев брошюру «Ребёнок попал в беду», легко себе представить, на что психологи, проникнувшиеся «новым мышлением», ориентируют нынче родителей и вообще всех тех, кто занимается воспитанием детей. С плодами подобного просвещения мы, увы, не раз сталкивались в нашей психокоррекционной работе с детьми, которую мы ведём на протяжении десяти с лишним лет.

Беседуешь иногда с иной мамой и чувствуешь, что она наштигована новыми воспитательными установками, как рождественский гусь яблоками. «Я принимаю своего сына таким, какой он есть, и что бы он ни делал, он знает: я, мать, всегда на его стороне...» «Да, я плохая мать, но что поделать? Мне это не дано! Что ж теперь, всю жизнь самобичеванием заниматься?!...» «Как это запретить дочери читать журнал «Cool»? Да какое я имею право диктовать ей, что читать, а что не читать? В двенадцать-то лет!...» «Запретами всё равно ничего не добьёшься, только хуже будет...»

Многие из вас, наверное, слышали это, а может, и сами говорили в разных жизненных ситуациях. Звучит-то гуманно и уж точно по-новому. А кому хочется прослыть отсталым, несовременным, пропахшим нафталином? Но давайте посмотрим, куда приведёт нас (а значит, и наших детей) это «новое».

Уже первая главка брошюры по сути своей программа. Она называется «Я не люблю своего ребёнка». Сейчас ведь модно говорить о родительской нелюбви и о том, что многие, очень многие не любят своих детей. (А если даже любят, то наверняка неумело.) Ложь, как тонко заметил кто-то из великих, от многократного повторения становится правдоподобной. Правдой она, конечно, стать не может, но людей одурачить может вполне.

Итак, что же сообщает о нелюбви к ребёнку вышеозначенная брошюра? «...Прежде всего избавьтесь от комплекса вины. Вина — это агрессия, которая распространяется по замкнутому кругу: «Я виновата в том, что не люблю своего ребёнка. Но если бы его не было, то я бы не испытывала такого чувства. Следовательно, именно он виноват в моём несчастье».

Прямо какая-то стальная цепь аргументов. Но это только на первый взгляд. Цепь на самом деле гнилая, и за какое звено ни потянешь — рвётся. Комплекс вины... Одно из самых популярных сегодня клише, несущих отчётливо негативный смысл. Что-то очень близкое к комплексу неполноценности, а то и вытекающее из него. Ну, кто может маяться такими глупостями, кроме жалких, слабых, ни к чему не пригодных людишек? Короче, неудачников? А термины «комплексы», «закомплексованность» вообще пахнут психиатрией и, естественно, отталкивают. Ещё важно напомнить, что «комплекс» означает множество. Следовательно, комплекс вины — это когда человек чувствует себя кругом виноватым, во всём и перед всеми. А речь-то в брошюре идёт о чувстве (единственное число!) вины по отношению к ребёнку (опять-таки единственное число!). В общем, серия мелких подтасовок.

А вот и подтасовка покрупнее: якобы чувство вины неизменно порождает агрессию. Эффект, как вы понимаете, запрограммирован: ведь от всего, что приводит к агрессии, следует избавляться. К чему, собственно, и призывают анонимные авторы брошюры.

Но давайте спросим себя: откуда, собственно, взялась такая зависимость? Почему чувство вины порождает агрессию, то есть, злобу, гнев, ярость? Ведь всё ровно наоборот. Тому, кто чувствует себя виноватым, бывает неловко, совестно, бывает жалко того, кого он обидел, хочется как-то загладить свою вину. А злится и нападает обидчик как раз тогда, когда ему трудно признать себя виноватым. Голос совести говорит ему о вине, а он отгораживается, защищается агрессией, доказывает себе, что прав он, а не тот, кого он обидел. **Так что не вина порождает агрессию, а непризнание вины, отсутствие раскаяния.**

Уравнивание вины с агрессией обрушивает основы христианского мировоззрения, на котором, хотим мы этого или не хотим, зиждется русская культура. Вся жизнь христианских святых была пронизана чувством вины и покаянием. Но при этом они, как известно, не только не были агрессивными, а своей кротостью приручали даже диких медведей. Да сколько в обыкновенной жизни примеров, когда покаяние преображало людей! В том числе и родителей, осознавших свою вину перед детьми.

Зачем, спрашивается, вводить в заблуждение современных родителей, так грубо искажая истину? Оставим пока этот вопрос открытым и двинемся дальше. В следующем абзаце целых две важных установки. Первая: «Не стремитесь к виртуозному исполнению материнской роли. Позвольте себе быть несовершенной». И вторая: «В общении с ребёнком нет и не может быть запрещённых эмоций».

Как принято выражаться на собраниях, «по первому вопросу»: сейчас очень часто можно услышать призывы не стремиться к совершенству. Дескать, это вредно и чуть ли не безнравственно. Человек должен быть естественным, таким, какой он есть. В журналах для родителей публикуются довольно однотипные, но непременно душеспасательные истории про женщин, которые старались быть образцовыми матерями, терпели в этом неудачу и в результате начинали ненавидеть своих детей. Психологи, пишущие эти статьи, считают своим, может быть, самым главным достижением то, что в результате длительной работы их пациентки отказались от стремления к идеалу, «позволили себе быть несовершенными». Конечно, бывают случаи, когда полезно успокоить молодую маму, чтобы она не надорвалась от излишнего усердия. Но это другое. Это, что называется, «ревность не по разуму» — когда человек берёт на себя слишком тяжёлую ношу, не соизмеряя её со своими физическими и ду-

шевными силами. А тут-то речь совсем не о том! По существу, нас призывают белое считать чёрным, добродетель переводят в разряд пороков. Стремление к идеалу во все времена не только считалось добродетелью, но и вменялось человеку в обязанность. Без него немислимо ни воспитание, ни выполнение той или иной работы, ни взаимоотношения с людьми. В христианстве это выражено абсолютно недвусмысленно. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный», — говорит Христос. Получается, что и этот фрагмент брошюры имеет антихристианскую подоплёку.

Теперь «по второму вопросу» — насчёт того, что в общении с ребёнком нет и не может быть запрещённых эмоций. Далее, правда, следует оговорка: «...но при одном условии: он не должен сомневаться в безусловности вашей любви». То есть читателям фактически приказывают («не должно быть!») проявлять в общении с детьми массу отрицательных эмоций, дурных чувств: раздражение, злобу, гнев, ненависть, ярость. Что же это получается? Чувство вины испытывать очень плохо, а те пороки, в которых люди каются на исповеди, признаны нормой отношений с ребёнком? Почему он при этом не должен сомневаться в безусловности родительской любви, нам не поясняют. Вероятно, по логике «бьёт, значит, любит». Но это дело десятое. Это типичная лапша, которую вешают на уши доверчивым читателям. А вот призыв не смиряться, не укрощать страсти, а выплёскивать их на окружающих, причём на слабых и незащищённых, коими являются дети, это один из краеугольных камней предлагаемой антихристианской педагогики.

И не стоит обманываться приведёнными в конце главки слащавыми советами петь ребёнку колыбельные и гладить по волосам. Яд опасен не тогда, когда он хранится в бутылке с соответствующей надписью, а тогда, когда его подмешивают во вкусную и здоровую пищу.

Вторая глава — «Самое верное средство от детского пьянства» — ошарашивает уже своим началом. «Взрослым вообще-то нечем поделиться со своим ребёнком, и они не должны особенно настаивать на том, чтобы дети брали с них пример, потому что такового они как раз и не подают». Как любили шутить провинциальные конферансье: «Вот так номер! Я чуть не помер!» Стало быть, родители теперь **не должны** настаивать на том, чтобы дети брали с них пример! Одной корявой (возможно, неумело переведённой) фразой сокрушается основа основ воспитания. Во все времена все народы, независимо от верований, культур и национальной принадлежности, учили детей брать пример с родителей. Да иначе и быть не может! Отец и мать для ребёнка — это первые люди, которых он видит, первообразы людей. Их интонации, выражение лиц, манера поведения и т.п. прочно запечатлеваются в его душе и служат образцом. Это импринтинг, неизгладимое впечатление, неизбежный пример, образец, подражание которому происходит помимо воли ребёнка. (Не потому ли возникает столько проблем с детьми-сиротами, которые воспитываются в детском доме?) Так что родители всё равно будут для ребёнка примером, никуда от этого не денешься. Но, восприняв новую воспитательную установку и отказавшись от роли идеала, родители утрачивают рычаги влияния на ребёнка, толкают его к неуправляемости, к патологическим страхам. **Ибо если взрослый не авторитет, он и не защита!**

Что же касается родительского несовершенства, то несовершенство свойственно природе человека. Как, впрочем, свойственно и стремление к совершенству, о чём мы уже написали. И этому стремлению, кстати, всегда способствовали дети: отец и мать старались в их глазах выглядеть умнее, добрее, благороднее — словом, совершеннее, чем они есть на самом деле. Ребёнок, сам того не подозревая, вынуждал их подтягиваться до идеального образа. Ну, а уж если родители были совсем пропащими, детей старались от них оградить, а родителей в таких случаях подвергали позору, остракизму. Выходит, то, что ещё вчера подвергалось суровому осуждению, сегодня чуть ли не вменяется в обязанность?

Ориентация родителей на «беспримерность» провоцирует социальное сиротство. Ребёнок, лишённый идеала в семье, начинает искать его на стороне. А в сегодняшней жизни вместо идеала ему скорее встретится антиидеал: наркоторговец, ласковый педофил, глава тоталитарной или сатанинской секты, или просто «отвязанный» сверстник.

Приведя кошмарные статистические данные касательно детского пьянства (которое якобы повально), авторы учат взрослых правильному реагированию: «Что же делать? Поддаваться порывам. Да, порыву любви и порыву гнева. Как же так, скажете вы, кричать в гнев? Ругаться, драться? Но разве в порыве любви мы не хватаем ребёнка и не целуем его? Сердечный порыв, если дать ему настоящую волю, человечен по существу и форме. Он благороден».

Итак, в одном ряду, соединённые союзом «и», оказались любовь (высшая христианская добродетель) и гнев (один из семи смертных грехов). Иными словами, между добром и злом поставлен знак равенства. Можно обматерить ребёнка, можно заехать в зубы, ведь «сердечный порыв, если дать ему настоящую волю, человечен по существу и форме». А убийство тогда, если разобраться, разве не человечно? Бывает, конечно, запланированное, преднамеренное, а бывает совершённое в состоянии аффекта — «искренний сердечный порыв». Так это называется? Рискую вызвать по отношению к себе сходный «сердечный порыв» со стороны авторов брошюры, всё же процитируем поучение православного подвижника старца Иосифа с горы Афон: «Пусть слюна твоя во рту станет кровью, ты всё равно не произноси ни одного слова в гнев». Вот вектор традиционной русской педагогики, а брошюра предлагает нам какую-то иную педагогику, не имеющую ровно ничего общего с традицией.

Поражают в этой педагогической системе и, как говорили в старину, «противуречия». Только родитель настроился на то, чтобы в порыве благородного негодования вложить ума своему пьяному недорослю, как его спешат осадить: «Не набрасывайтесь на него с нотациями; вы уже опоздали, а после драки кулаками не машут. Даже если он чуть навеселе, его реакция может быть неадекватной». (То есть, мальчонка, чего доброго, врежет зарвавшимся папаше с мамашей.)

И собутыльников его не смейте трогать! «Даже если вам не нравятся друзья вашего ребёнка, нельзя держать свой дом от них на замке, своего же ребёнка ради». Хотя любой человек, не только с высшим педагогическим образованием, но и с незаконченным средним понимает, что борьба с пьянством начинается с отрыва пьяницы от его привычного окружения. Иначе любые усилия бессмысленны. Когда же речь идёт о детях, оградить их от дурного влияния всегда считалось — и продолжает считаться в обществе, ещё не утратившем коллективный разум! — первейшим делом родителей.

Ясно, что далеко не все папы и мамы придут в восторг от подобных педагогических инноваций, поэтому, стараясь смягчить впечатление, авторы добавляют: «Зато никто не запрещает вам обговорить допустимые нормы поведения и правила общежития».

Эту матрицу сейчас внедряют повсеместно. Смысл её сводится к следующему: давайте легализуем пороки, но попробуем установить для них некоторые ограничения. Легализуем публичные дома, но будет требовать от «сексработниц» периодической диспансеризации. Легализуем порнографию, но ларьки, в которых она будет продаваться, удалим от детских учреждений на расстояние не менее 300 м. Легализуем педерастию (уже легализовали, отменив статью, наказывающую за мужеложество), но будем порицать педофилов. Легализуем наркоманию, но будем призывать наркоманов пользоваться одноразовыми шприцами. Одобрим подростковый разврат, но расскажем об опасности венерических заболеваний и раздадим презервативы. Всё это, конечно, абсурд. Невозможно требовать от беззакония законопослушности. Есть русская поговорка: «Пусти козла в огород». Здесь центральное слово «козла». От человека — да, можно требовать, чтобы он в огороде собирал только то, что ему разрешили. Но козёл (а в нашем случае — порок) невразумляем. Особенно при виде капусты. Ну, а если продолжать зоологические сравнения, представим себе свинью, про которую вдруг кто-то решил, что её стоит цивилизовать, перебазировав из хлева в городскую квартиру. Воображение легко подскажет нам вид этой квартиры через пару часов...

Аналогичные установки даются взрослым и по проблеме детской наркомании. Хотите узнать, как правильно себя вести, если вы подозреваете, что ваш ребёнок употребляет наркотики? Надо «не демонстрировать чрезмерного волнения, установленные необычные факты

обсудить с ребёнком, не читать мораль и ни в коем случае не угрожать, не наказывать... Если он всё отрицает — расскажите о своих подозрениях, если спорит — опровергайте, но не берите с него слово, не заставляйте подчиняться. Лучше спросите, что он сам думает делать дальше, и предупредите, что отныне вы будете строже следить за тем, как и на что он тратит деньги». (Пускай рассказывает, что задержался в библиотеке, а на полученную от вас субсидию якобы купил булочек с маком.) Но главное, «самое время дать ему понять, что вы на его стороне, что не осуждаете...» **Короче, предлагается на юного наркомана не давить, ничего ему не запрещать и даже продолжать выдачу денег!** Да, весьма нетрадиционная педагогика! Испокон веку нормальные родители реагировали на опасное поведение детей немедленной изоляцией их от источника зла, от пагубной обстановки. Вспомните хотя бы Наташу Ростову, которую отец запер, чтобы она не сбежала с Анатолом. Конечно, придётся понервничать, проявить твёрдость, выдержать детские истерики и грубость, побыть в глазах своего ребёнка злодеем, но зато уберечь его от беды. Ведь и мы, став взрослыми, столько раз мысленно благодарили родителей за их строгость, хотя в подростковом возрасте за неё же готовы были в сердцах проклинать.

В духе попустительства предложено относиться и к детскому разврату. «Старшее поколение не может и не должно контролировать подростковую сексуальность». (Интересно всё-таки, почему у поклонников либеральных ценностей столь часто проскальзывают тоталитарные нотки? Это напоминает то ли гипнотизёра, подчиняющего пациента своей воле, то ли юриста, который зачитывает потенциальным преступникам статью Уголовного кодекса.) Оказывается, цитируем: «признавая, что ранняя сексуальная жизнь подростков и столь же ранние эксперименты с наркотиками не экстремальные, а скорее обыденные искушения нового поколения, невозможно ни запретить, ни контролировать эти опыты».

Как заставить людей смириться с вопиющим безобразием, с которым ни один нормальный человек смириться не может? Способов немного. Можно принудить силой, а можно, строго соблюдая права человека, добиться желаемого изощрённым способом: убедить, что безобразие, во-первых, не такое уж и вопиющее; во-вторых, оно распространено повсеместно, а в-третьих — что, пожалуй, главное! — всё равно оно неустранимо. Последнее вы сегодня услышите как от крупного политолога, так и от соседа-пенсионера.

В разбираемой нами брошюре практически всё подчинено этой логике. Но особенно ярко она проявлена в «мифах о сексуальном насилии». Споря с общепринятым мнением о педофилах как об извращенцах, авторы утверждают, что «большинство педофилов — самые обычные мужчины, с нормальной психикой». Развенчивается и «миф» о том, что «сексуальные покушения на детей редки и являются признаком морального распада и деградации общества». На самом деле, утверждают авторы, всё это было всегда и «статистически часто». «В четырёх случаях из пяти это делают те, кого ребёнок знает... очень часто — кто-то из старших членов семьи... это случается во всех слоях общества, с любыми уровнями образования и дохода, во всех этнических и религиозных группах». В общем, как преподносится в книге, вполне банальная история. С каждым может случиться.

И не следует заблуждаться насчет того, что «... ребёнок — пассивный объект сексуальных посягательств. Приходится признать: он может быть инициатором». Словом, нас хотят уверить, что нет чёткой границы между ребёнком и взрослым, жертвой и преступником, добром и злом. Всё относительно, зыбко, «неоднозначно».

Ну а зло — оно всё равно непобедимо. «Даже самая идеальная система права не в состоянии полностью защитить ребёнка от насилия. Здесь важен не столько контроль, сколько просвещение. Родители и учителя должны знать, что сексуальная эксплуатация детей — большая и серьёзная проблема». Так и написано — «проблема». Есть проблема утомляемости на уроках, есть проблема аллергии, есть проблема летнего отдыха, а есть... сексуального насилия над детьми. Хочется, заняв прилагательные у авторов, сказать, что это «большая и серьёзная» победа зла, если растление ребенка, надругательство над его невинностью становится для нас не чудовищным преступлением, не трагедией и даже не драмой, а проблемой.

И решая её, главное (как, впрочем, и во всех остальных случаях, перечисленных в брошюре) «сохранять спокойствие». Не правда ли, это самое главное, когда узнаёшь, что твой ребёнок изнасилован, болен СПИДом, стал алкоголиком, наркоманом или вором?

А вот, например, рекомендации взрослым по поводу детского воровства. «Хорошенько подумайте прежде, чем приступать к решительным действиям. Наверное, наказывать надо, но только если вы уверены, что и ребёнок считает это наказание справедливым... Пережив наказание, ребёнок, скорее всего, научится ловчить, скрытничать, боясь лишь одного — быть разоблачённым... Пожалейте его, и ему сразу станет стыдно. <А если нет? Если он сочтёт таких родственников придурками, из которых можно вить верёвки? Тогда как? — *Авт.*> Помогите исправить то, что он совершил. <То есть, компенсируйте украденное, выгораживайте, выкупайте, «отмазывайте», чтобы он ни в коем случае не почувствовал последствий своего воровства. А то не дай Бог вразумится! — *Авт.*> **Как можно бережней отнеситесь и к нему, и к его поступку** <выделено нами. — *Авт.*>... Не ужас наказания, а страх повторения — вот что отныне должно поселиться в его душе».

Должно, конечно. Но может поселиться — и скорее всего поселится! — совсем другое: чувство полной безнаказанности и желание новых «подвигов». Почему бы и нет?

Поддавшись умилению, читатель мог и не заметить ещё одну характерную подмену: кража, совершенная ребёнком, названа **поступком** (даже не проступком!). А ведь это преступление, хоть по малолетству, как правило, неподсудное. Более того, своровать — значит нарушить одну из десяти христианских заповедей. Впрочем, ни в каких культурах воровство, мягко говоря, не поощряется. Апологеты же «гуманной педагогики» советуют отнестись к воровству «как можно бережней». Даже в столь вопиющем случае идея наказания им явно претит. А между тем христианская педагогика утверждает прямо противоположное.

«Самая суровость родительской дисциплины полезна для детей и желательна, — читаем у епископа Кинешемского Василия. — Суровые испытания необходимы для духовного совершенствования, как огонь, очищающий металл... «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь (Мф. VII, 14)». Но если эту школу скорби и испытаний мы не пройдём в детстве в родительской семье, то Господу ничего не останется как подвергнуть нас испытаниям жизни, а это гораздо труднее, особенно без предварительной подготовки в родительском доме. Но если этот скорбный курс духовного воспитания в виде родительских наказаний и известной суровости отношений мы пройдём с детской покорностью в родном доме, то дальнейшие испытания часто оказываются ненужными...»

Вот, например, цитата из Библии: «Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им... Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумию его». Так что и по этому вопросу либеральные установки авторов брошюры противоположны нашим традиционным.

Впрочем, есть одна тема, рассматривая которую, авторы всё же советуют применить жёсткость. Это тема самоубийства. В одной из двух глав, посвящённых детским суицидам, есть такой подзаголовок: «Пожалуйста, прочтите эту страничку вашему ребёнку». А на страничке читаем, например, такой пассаж: «Вы когда-нибудь видели свежий труп? Глаза навывкате, вывалившийся синий язык, лицо неопределённого цвета, да к тому же пренеприятнейший запах от самопроизвольного акта дефекации».

Авторы считают, что такая стресс-педагогика «неприятна, зато действенна». Дескать, запугаем хорошенько посмертным уродством, авось, не захочет сводить счёты с жизнью. Значит, они всё-таки понимают, что страх — это один из самых действенных способов, когда хочешь удержать подростка от губительного шага. И весь их либерализм по отношению к детскому пьянству, наркомании, разврату, «дурным болезням», воровству и прочим «поступкам» объясняется тем, что они просто не видят в этом по-настоящему серьёзной угрозы. Вот совет, который даётся в главе о СПИДе: «Единственное, что мы можем сделать для своих детей, — рассказывать им, не запугивая и не нагнетая, убеждая их фактами, цифрами и чужими трагедиями, о том, как коротка дистанция между жизнью и смертью».

Завидное спокойствие, однако. Но так можно относиться к человеку только в одном случае: если он тебе абсолютно безразличен. Впрочем, к этой теме мы ещё вернёмся, а сейчас подумаем: какие образы закладываются в сознание ребёнка описаниями «свежего трупа»? Даже если — что совсем не факт! — кого-то подобные описания останоят, даже если жизнь будет спасена. Но какой ценой? Ценой поругания мёртвого, ценой глумления над усопшим. Ну, а теперь представим себе, что через некоторое время у ребёнка умрёт кто-то из близких. Что тогда станет с «благословенной памятью о дорогом покойнике»? Какие картины непрошенно посетят подростка, когда он будет стоять у гроба, приходить потом на могилу или смотреть на фотографию? «Глаза навывае, вывалившийся синий язык...»? Честно говоря, это небезопасно читать и взрослым. Даже у них это может вызвать защитную реакцию отторжения, которая, в свою очередь, ведёт к патологическому бесчувствию. И уж тем более такая опасность грозит детям, с их хрупкой, неустойчивой психикой. Недаром мы сегодня слышим так много жалоб на подростково-молодёжный «пофигизм». Поневоле станешь равнодушным, когда видишь, уж простите за жаргон, столько «трупаков» на экране телевизора и компьютера! Надо же как-то защититься!

Вообще, такое впечатление, что сверхзадача «Справочника для родителей и учителей» — запрограммировать взрослых на равнодушие к детям. В том числе — и даже прежде всего! — к своим собственным. Карлсоновское «спокойствие, только спокойствие!» — вот камертон брошюры. Напился ребёнок — не волнуйтесь. Балуете наркотиками — не впадайте в панику. Ушёл из дома — заранее, на случай опознания трупа, «положите в разные карманы записки, где указаны Ф. И. О., адрес и номер телефона, по которому нужно позвонить...» Хотели на этом оборвать цитату, но не удержались и приводим ещё несколько фраз: «Не стесняйтесь заранее снять копию зубной карты из стоматологического кабинета и сделать дактокарту: нанесите на пальцы <ребёнка> тонким слоем типографскую краску и откатайте отпечатки на бумаге <всё-таки очень чувствуется, что это перевод, уж больно коряво! — Авт.>, а под ними напишите «левая», «правая» рука. Если случится трагедия, это поможет идентификации».

Много, конечно, загадок во Вселенной. Вот, например, одна из них: почему блюстители свободы — авторы данной брошюры — такие недалёкие? Ну хорошо, они не в состоянии были представить себе, что произойдёт с отпечатками, если намазанные краской пальцы «откатают» по бумаге, а не оттиснут на ней. И второпях не обратили внимание на то, что **надписать что-либо под отпечатком или картинкой нельзя**. Но уж вообразить своевольного подростка — а именно такие сбегает из дому — совсем несложно. Тем более, что жизнь богата примерами. С какой стати беглец будет терпеть в своих карманах дурацкие мамини записки или покорно подставлять руку для дактилоскопии, предназначенной для опознания его трупа? И где авторы видели такие стоматологические кабинеты, в которых услужливые дантисты по первому требованию снимают копию зубной карты? У нас большинство людей вообще про «зубную карту» слыхом не слыхивали. Что подделаешь? Дремучие мы, не ведётся у нас, как правило, подробная опись зубов: сколько их всего, каких не хватает сверху, каких — снизу, какой зуб как запломбирован, где какая коронка, какой прикус, какая форма челюстей. Для нас это информация с опережением.

Вот и получается: проштрафились издатели. Публикуете пиратский перевод — так хоть изымите то, что к нашей жизни не имеет ровно никакого отношения. Не позорьтесь. Ещё не самые последние времена пришли, остаточный разум у большинства читателей сохранился. **И они понимают, что потакание детским порокам рано или поздно доведёт ребёнка до той опасной черты, за которой его ждёт либо гибель, либо тюрьма.** Как назывался один сборник эпохи перестройки, «иного не дано».

Авторы брошюры, хотя усиленно делают вид, что нет никакой связи между родительским попустительством и катастрофой, постигающей в результате ребёнка, на самом деле, конечно, понимают, что это далеко не так. Во всяком случае, о колонии они напоследок упоминают. Но опять-таки, в каком ракурсе? Подглавка «Что делать, если ваш ребёнок попал в

колонию» начинается со слов: «Что сделано, то сделано, назад не вернёшь, и надо жить дальше. Оставьте обиды, ссоры, раздумья на тему «За что мне всё это?» Во-первых, не вам, во-вторых, что в них толку?»

Иначе говоря, родителей сперва настраивают на потакание детскому безобразию, а потом, когда «вырастет из сына свин» и ситуация дойдёт до критической, — на равнодушие. Даже когда ребёнок попадает в колонию, оказывается, не надо задаваться вопросом, за что вам это, когда и в чём вы его упустили. Спокойствие, только спокойствие, ведь «не вам», а всего-то навсего вашему сыну идти за колючую проволоку. Так что нет оснований для паники. Как любил повторять всё тот же Карлсон, дело житейское. Уж если в главе, посвящённой самоубийствам, авторы советуют отвести подростка, замышляющего лишить себя жизни, в сторонку и «мирно поговорить». «Если же, — цитируем, — этот вариант не срабатывает, то — сам виноват». Раз даже по такому поводу волноваться не стоит, стоит ли «махать крыльями», когда руки-ноги у пацана целы, да ещё — в наше-то трудное время — он будет на гособеспечении!

Апофеоз родительского служения — это открыть на нужной странице справочник, найти телефон нужного специалиста (в конце каждой главки даётся целый список соответствующих организаций) и передоверить ему ребёнка, как это принято во всём цивилизованном мире. Собственно, и служение-то ни к чему, когда есть службы помощи!

Как же пародийно в этом контексте звучат фразы типа: «Терпение и смирение — может, спасение в них?» Смирение перед чем — перед грехом? Так это вовсе не христианство, а обыкновенный сатанизм, наспех прикрытый овечьей шкуркой либеральных лозунгов.

За детей мы все в ответе перед Богом — родители никогда не смогут свалить свою вину ни на специалистов, ни на горе-педагогов, как под копирку клепающих безответственные книги и брошюры, ни на государство, поддерживающее подчас либеральную, антихристианскую педагогику.

Очень надеюсь, что здравомыслящих людей пока ещё большинство. И если они не сдадутся добровольно, их не сможет одолеть никакая агитбригада лжецов, будь то на страницах книги или с высокой трибуны.